

ков пожаловался губернскому предводителю дворянства Н.Н.Реткину, заявив, что «гуманность» Кошелева может подать повод «к возмущению крепостных людей»¹⁰. Реткин, сам суровый крепостник, принял его сторону и добился, чтобы на следующих уездных выборах Кошелева забаллотировали.

Некрасов писал: «Даже с родными, не только с крестьянами / Был господин Поливанов жесток». Рассказ о том, как Поливанов выгнал из дома дочь с зятем («обоих прогнал нагишом»), вымышлен. Однако нравственный облик подобных людей был верно угадан Некрасовым. Чулков не пощадил двоюродного брата. Дядя Чулкова, капитан в отставке Григорий Петрович Чулков, владевший сапожковским сельцом Поляны, в послужных документах указывал, что «женат на своей отпущеннице Прасковье Емельяновой»¹¹. Она была ключницей в барском доме. Их сын Михаил, внесённый в дворянские родословные книги Рязанской губернии, в 17 лет поступил на службу в Сапожковский уездный суд, дослужившись до чина губернского регистратора. После смерти отца в 1809 году он считал себя законным наследником. Но вмешался Василий Ильич, знавший тайну этого невенчанного брака. В результате Синодом «брак девки Емельяновой с капитаном Чулковым признан никогда не бывшим». Михаил вдруг оказался не только «незаконнорождённым», но и безвестным «подкидышем»¹². Его лишили дворянства и обязали носить фамилию по имени крёстного отца — Петров. Имение же в Полянах со всем движимым и недвижимым имуществом и свыше 300 крепостных душ достались Василию, который изгнал из усадьбы Михаила с матерью. Ситуация осложнилась тем, что, пока шло судебное расследование, Михаил женился на дворовой девушке Прасковье Егоровой. Перед венчанием он дал ей вольную, на что, как выяснилось, не имел права. И хотя супругов не разлучили, но обоим довелось перенести немало страданий.

Видимо, со слов Кони, Некрасов писал, что хозяин Якова частенько «к сестрице ездил на чаёк». Чулкову приходилось постоянно посещать сестру Анну Ильиничну, вдову поручика В.С.Исакова. Чулкову вместе с сестрой принадлежали имения в сёлах Петракове, Зименки, Подосинки, Строилове Зарайского

уезда Рязанской губернии. Анна, ссылаясь на нездоровье и несовершеннолетие детей, дала брату доверенность на полное распоряжение их совместным владением. Он следил за хозяйством, собирал доходы, выплачивал накопившиеся семейные долги Исаковых, наказывал крестьян за «дурное поведение, леность, неповиновение, злонравие», мог сдавать их в рекруты или высылать в Сибирь на поселение»¹³. Кстати, путь из Полян в Зарайский уезд мог пролегать и через пронские края, где Кони услышал рассказ об этом помещике.

По словам Кошелева и Кони, одной из жертв помещика стал преданный ему кучер. Неизвестно, насколько соответствовало реальности сообщение Кони о том, что барин не позволил сыну кучера (у Некрасова — племяннику) жениться и сдал его в рекруты. Кошелев писал, что Чулков, бывший кирасир, с особой придирчивостью следил за содержанием лошадей, их кормом, исправностью сбруи. Он регулярно обходил крестьянские подворья, осматривая со всей строгостью деревенских саврасок. Собственному же кучеру от него доставалось постоянно. Со временем у Чулкова начали отказывать ноги. Однажды в поездке кучер завёз барина в глухой зимний лес, закинул вожжи на дерево и повесился со словами: «Нет, ваше высокоблагородие, жить у вас больше мне не вмогуту»¹⁴. Некрасов, следуя рассказу Кони, говорит, что Яков отпряг коней, обрекая парализованного барина на гибель в лесу, но тому помог случайный охотник. У Кошелева, наоборот, помещика спасло то, что лошадь не была выпряжена и, повинувшись голосу хозяина, сама вывезла сани к дому. Некрасовский герой был потрясён пережитым и, вернувшись домой, каялся: «Грешен я, грешен! Казните меня!» У Кони этого эпизода нет. В поэме про господина Поливанова поведал бывший дворовый, тоже от кого-то услышавший эту историю. Назидательная, в духе народной морали, её концовка («Будешь ты, барин, холопа примерно, / Янова верно, / Помнить до Судного дня!»), конечно же, была маловероятна и лишь отражала наивные надежды крестьянского мира на возможность пробуждения совести у жестокосердных господ. В реальности же Чулков с негодованием рассказывал зна-

комым о поступке кучера «в доказательство глупости и грубости простого народа»¹⁵.

В конце XIX века председатель Рязанской учёной архивной комиссии А.Д.Повалишин, писавший в своём труде «Рязанские помещики и их крепостные» о Чулкове и гибели его кучера, удивлялся, «как поразительно верно действительности подобный же случай ещё ранее рассказан у Некрасова»¹⁶. Он не знал о том, что писатель получил информацию из Рязанского края. Но именно такие, узнаваемые читателем, связанные с реальной действительностью эпизоды и придавали некрасовскому художественному повествованию особенную силу и убедительность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РОЗАНОВА Л.А. Поэма Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий. — Л.: Просвещение, 1970. — С. 48—50, 94, 125—126, 221, 222.
- ² ДОЛГОРУКОВ И.М. Капище моего сердца // Русский архив. — 1890. — Кн. I. — С. 126.
- ³ ГРАЧЁВА И.В. Легендарный прототип // Русский язык и литература для школьников. — 2013. — № 3. — С. 18—22.
- ⁴ ЖИХАРЕВ С.П. Записки современника / Ред., статьи и комментарий Б.М.Эйхенбаума. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 181.
- ⁵ СЕЛИВАНОВ И.В., СЛАВУТИНСКИЙ С.Т. Из провинциальной жизни: Повести, рассказы, очерки. — М.: Современник, 1985. — С. 323.
- ⁶ Там же. — С. 334.
- ⁷ Там же. — С. 378.
- ⁸ КОНИ А.Ф. Воспоминания о писателях. — М.: Правда, 1989. — С. 201—202.
- ⁹ КОШЕЛЕВ А.И. Записки / Подг. Т.Ф.Пирожковой. — М.: Наука, 2002. — С. 44—45.
- ¹⁰ Там же. — С. 45.
- ¹¹ ГАРО (Государственный архив Рязанской области). — Ф. 98. — Оп. 11. — Д. 48. — Л. 39.
- ¹² Там же. — Л. 76 об., 51.
- ¹³ Там же. — Ф. 1375. 3 Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1 об.
- ¹⁴ КОШЕЛЕВ А.И. Записки... — С. 45.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ПОВАЛИШИН А.Д. Рязанские помещики и их крепостные. — Репринтное издание. — Рязань: изд-во РГПУ, 1995. — С. 302.